

Потто Василий Александрович

**Карсские торжества в 1910
году и Четыре штурма Карса**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.3
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Александрович П.**
Карские торжества в 1910 году и Четыре штурма Карса / Потто Василий
Александрович – М.: Книга по Требованию, 2024. – 138 с.

ISBN 978-5-519-79381-0

ISBN 978-5-519-79381-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

АРССКІЯ ТОРЖЕСТВА

въ 1910 году.

Роснныя празднества, торжества и парады имѣютъ болѣе глубокое значеніе и смыслъ, чѣмъ это можетъ показаться съ перваго взгляда людямъ, не посвященнымъ въ тайны военнаго искусства. Эти празднества служатъ всегда живымъ отраженіемъ какого либо минувшаго славнаго историческаго событія и выдвигаютъ передъ нами въ яркой перспективѣ старыя боевыя преданія.

Въ настоящее время, когда всевозможныя усовершенствованія въ области техники военнаго дѣла идутъ такимъ ускореннымъ темпомъ, и невольно въ нашъ нервный вѣкъ поражаютъ воображеніе ложными картинами страшнаго разрушенія, чаще чѣмъ когда нибудь надо напоминать, что тѣми же разрушительными средствами обладаемъ и мы, и что какъ бы далеко не шли техническія изобрѣтенія, какъ бы не усовершенствовались орудія борьбы и пораженія,—тайна побѣдъ все же будетъ заключаться не въ нихъ, а въ духовной сторонѣ человѣка, въ его крѣпкой волѣ отдать самую жизнь, чтобы отстоять величіе, честь и славу своей родины. Такъ поступали наши отцы и дѣды. „Помянухъ дни древніе—поучихся“, говоритъ псалмопѣвецъ,—и это безусловно вѣрно въ примѣненіи и къ нашему военному дѣлу. Напоминать о подвигахъ предковъ, знакомиться со свѣтлыми страницами нашей военной исторіи, вотъ лучшее средство зажечь въ сердцахъ такую любовь къ отечеству, которая дастъ человѣку возможность побѣждать самое

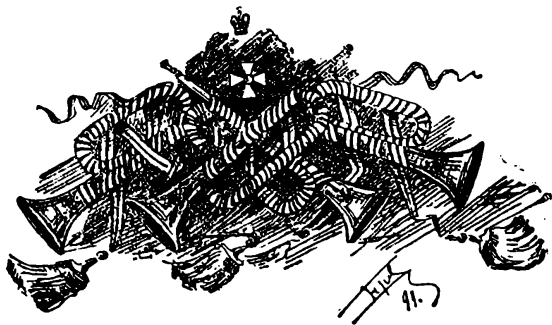
страшнее для него въ жизни—смерть. Прекрасенъ Божій міръ, а умирать надо; умирать надо, чтобы отечество жило. А когда всѣ полюбятъ жизнь болѣе всего на свѣтѣ, и жертвы отдѣльныхъ существованій оскудѣютъ, тогда придетъ смерть отечеству, и самобытный народъ сдѣлается рабомъ другого народа, не столько животолюбиваго, какъ онъ. Останется народъ, но не будетъ у него отечества.

Къ подобнымъ чествованіямъ крупныхъ историческихъ событій относятся и повѣствующія намъ о доблестяхъ предковъ недавнія карскія торжества, по поводу открытія памятника на братскихъ могилахъ воиновъ, павшихъ на четырехъ штурмахъ Карса. И какъ ни скромно было это торжество, ограничившееся только тѣсною кавказскою семьею, но значеніе его оттого не уменьшилось, и хочется невольно подѣлиться тѣми, далеко не будничными впечатлѣніями, которыя вынесъ каждый изъ присутствовавшихъ въ эти памятные дни въ Карсѣ.

Но прежде, чѣмъ говорить объ этихъ празднествахъ, надо сказать, что имъ предшествовало еще другое, не менѣе важное по своему духовному значенію, событіе, находившееся въ тѣсной связи съ ними—это перенесеніе въ Карсѣ праха генерала Несвѣтаева, перваго русскаго вождя, указавшаго къ нему дорогу слишкомъ за сто лѣтъ до нашего времени.

Мысль эта всецѣло принадлежала главнокомандующему войсками Кавказскаго военнаго округа графу Иллариону Ивановичу Воронцову-Дашкову, который, сроднившись съ Кавказомъ еще въ молодые годы, въ великую эпоху его покоренія, является нынѣ не только хранителемъ и выразителемъ боевыхъ преданій, традицій и завѣтовъ бывшей Кавказской арміи, но и могучимъ живымъ проводникомъ ихъ въ жизнь молодыхъ Кавказскихъ войскъ—наслѣдниковъ славы своихъ знаменитыхъ предковъ. Онъ не хотѣлъ оставить въ забве-

ни имя Несвѣтаева, одного изъ тѣхъ корифеевъ героическаго эпоса Кавказа, который, вмѣстѣ съ княземъ Цицановымъ, Котляревскимъ и Карягинымъ, созидалъ лучшія страницы нашей военной исторіи, и потому повелѣлъ перенести останки его съ далекаго, давно заброшеннаго караклискаго кладбища въ самый Карсъ; да поклонится ему всякій, кому дорога боевая слава русской арміи. Послѣ перенесенія праха отечественнаго героя князя Багратіона на Бородинское поле, это былъ едва ли не первый случай, закрѣпившій въ народной памяти имя вождя въ самомъ мѣстѣ совершеннаго имъ подвига. Жизнь такихъ людей всегда поучительна, и признательность соотечественниковъ должна пережить обычное забвеніе могилы, сохранивъ для потомства по крайней мѣрѣ главнѣйшія черты ихъ дѣятельности.

Подвиги генерала Несвѣтаева на Кавказѣ.

ынъ мелкопомѣстнаго дворянина Ярославской губерніи, Петръ Даниловичъ Несвѣтаевъ поступилъ на службу рядовымъ, добился офицерскихъ эполетъ и, участвуя въ финляндской кампаніи 1788 года, былъ раненъ картечью въ голову. Изъ этого похода онъ возвратился уже въ чинѣ маіора. Памятное возстаніе поляковъ въ 1794 году, извѣстное подъ именемъ „варшавской заутрени“, застало его въ Вильнѣ, гдѣ войсками командовалъ знаменитый князь Циціановъ. Онъ сразу угадалъ въ старомъ маіорѣ (Несвѣтаеву было уже 39 лѣтъ) выдающагося военного дѣятеля и предрекъ ему блестящую карьеру. Это не замедлило исполниться. Незвѣстно почему императоръ Павелъ I, по вступленіи своемъ на престолъ, сразу обратилъ вниманіе на Несвѣтаева, котораго никогда не видѣлъ и который не имѣлъ ни связей, ни протекцій въ Петербургѣ; но съ этого времени служебное повышеніе его идетъ чрезвычайно быстро. Въ 1797 году онъ былъ произведенъ въ подполковники, въ 1798 г.—въ полковники, а въ слѣдующемъ—въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ шефомъ Саратовскаго мушкетерскаго полка, квартировавшаго въ Рязани.

Въ 1804 году, когда Саратовскій полкъ получилъ приказаніе выступить въ Грузію, самъ Несвѣтаевъ задержанъ былъ на нѣкоторое время служебными дѣлами на Кавказской линіи и, такимъ образомъ, полкъ прибылъ въ Тифлисъ безъ своего начальника. И тѣмъ не менѣе князь Циціановъ, осмотрѣвъ его прямо съ похода, писалъ государю,

что „онъ за всю свою службу мало видѣлъ такихъ прекрасныхъ полковъ, какъ Саратовскій“.

Такимъ состояніемъ полкъ обязанъ былъ исключительно личному характеру самого Несвѣтаева. Онъ былъ чловѣкъ одинокій и въ высшей степени безкорыстный; собственные нужды его были ограничены до минимума; онъ велъ простой солдатскій образъ жизни, видѣлъ въ полку свою родную семью, и большая часть его собственного жалованія уходила на помощь бѣднымъ солдатамъ и офицерамъ. Врагъ сухой формалистики, гнетущей солдата, понимая дисциплину не въ пустыхъ мелочахъ, а въ ея высокомъ и лучшемъ значеніи, онъ не терпѣлъ упущеній по службѣ, и лѣнивому или нерадивому офицеру не было мѣста въ Саратовскомъ мушкетерскомъ полку.

Къ характеристикѣ Несвѣтаева нужно прибавить, что онъ былъ очень религіозенъ и каждого солдата, поступающаго въ Саратовскій полкъ, снабжалъ особой ладонкой, въ которую зашивались написанные псалмы: „Да воскреснетъ Богъ“ и „Живый въ помощи Вышняго“. Эти молитвы читались въ войскахъ Несвѣтаева передъ каждою битвой, и самой ладонкѣ онъ придавалъ особое мистическое значеніе, приказывая никогда не снимать ее. Такую же ладонку носилъ онъ и самъ.

По прибытіи во Владикавказъ, когда полкъ находился уже въ Тифлисѣ, Несвѣтаевъ вынужденъ былъ остановиться. Онъ узналъ, что всѣ сообщенія съ Грузіей прерваны, что въ горахъ идетъ всеобщій мятежъ, и русскія войска терпятъ одну за другой неудачи. Началось со взятія мятежниками укрѣпленія Ларса, паденіе котораго передало въ руки ихъ важное Дарьяльское ущелье, а затѣмъ они овладѣли деревней Степанъ-Цминда, лежавшей у подножья Казбека и взяли въ плѣнъ русскую команду вмѣстѣ съ генераломъ Дренякинымъ. Почти одновременно съ этимъ

былъ вырѣзанъ Койшаурскій постъ, находившійся уже за главнымъ переваломъ, и истребленъ почти весь Донской казачій полкъ Рышкова, слѣдовавшій изъ Владикавказа черезъ Рокскій перевалъ въ Гори. Эти успѣхи до того подняли духъ мятежниковъ, что они спустились въ самую Грузію и обложили Анануръ. Высланныя изъ Тифлиса войска, подъ командой двухъ генераловъ, Талызина и князя Волконскаго, не рѣшились атаковать непріятеля и вернулись назадъ, не выручивъ даже Ананура. Тогда и баталіонъ, стоявшій на рѣкѣ Ломисѣ, самовольно покинулъ свой постъ, оставивъ въ добычу непріятеля три орудія, составлявшія всю его артиллерію. Дорога въ Карталинію стояла теперь незащищенной; передовыя партіи мятежниковъ съ одной стороны доходили до Мцхета, съ другой—приближались къ Гори. Опасность грозила самому Тифлису. Князь Циціановъ осаждалъ въ то время Эриванъ и не могъ исправить ошибокъ своихъ военачальниковъ.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда Несвѣтаевъ прибылъ во Владикавказъ, и, разузнавъ подробно о всѣхъ происшествіяхъ, понялъ, что сила мятежниковъ заключается не въ нихъ самихъ, а въ нашихъ не порядкахъ, въ слабости духа и колебаніи начальствующихъ лицъ—и рѣшилъ дѣйствовать самъ, не испрашивая ничьихъ разрѣшеній. По личному почину, принимая все на свою отвѣтственность, онъ наскоро собралъ шесть ротъ Казанскаго полка, и прежде чѣмъ непріятель опомнился, овладѣлъ уже Балтой, Ларсомъ, Дарьяльскимъ ущельемъ и захватилъ въ свои руки Гудаурскій перевалъ. Отсюда онъ двинулся къ Анануру, гоня передъ собой толпы обезумѣвшихъ отъ страха мятежниковъ. Подъ Анануромъ его встрѣтили главные силы непріятеля, предводимыя бѣглымъ грузинскимъ царевичемъ Парнаозомъ, но были разбиты на голову, и самъ

Парнаозъ захваченъ въ плѣнъ. Мятежъ, державшійся цѣлые мѣсяцы, былъ усмирень въ теченіе нѣсколькихъ дней.

„Страхъ и ужасъ, при одномъ имени Несвѣтаева,—писалъ государю князь Циціановъ,—до того поселились въ обывателяхъ горъ, что мятежъ погасъ моментально, мосты повсюду построены, дороги исправлены и сообщеніе возстановлено. Я лично нисколько не участвовалъ въ этихъ успѣхахъ и всѣмъ обязанъ только одному, посѣдѣвшему подъ ружьемъ, генералу Несвѣтаеву. Теперь всѣ кавказскія племена называютъ его не иначе, какъ *„горскій генералъ“*.

По приѣздѣ въ Тифлисъ Несвѣтаевъ узналъ объ отступленіи нашихъ войскъ отъ Эривани, и эта мысль не давала ему покоя. Вернувшись къ своему полку, расположенному тогда въ Памбакской области, мѣстечкѣ Караклисѣ, онъ обратился къ князю Циціанову съ просьбой разрѣшить ему отторгнуть отъ Эриванскаго ханства сосѣднюю съ Памбакомъ Шурагельскую область и навсегда присоединить ее къ Россіи. Циціановъ усумнился въ успѣхъ предпріятія. Но Несвѣтаевъ настаивалъ и брался выполнить всю экспедицію съ тѣми незначительными средствами, которыя находились у него подъ рукою. Получивъ наконецъ позволеніе, онъ съ однимъ баталіономъ своего полка быстро вступилъ въ Шурагель, захватилъ главный городъ Артикъ и, разбивъ трехъ-тысячный отрядъ персидскихъ войскъ, гналъ его до самыхъ стѣнъ Эривани. Затѣмъ онъ дошелъ до Эчміадзина и вывезъ изъ первопрестольнаго армянскаго монастыря всѣ святыни, дабы онѣ не были взяты и поруганы мусульманами. Отсюда онъ возвратился въ Артикъ, привелъ всѣхъ жителей къ присягѣ на подданство русскому государю и перенесъ главное управленіе Шурагеля изъ Артика въ Гумры—нынѣшній Александрополь. Такимъ образомъ, неудачный эриванскій

походъ неожиданно закончился пріобрѣтеніемъ нами обширной области, которая съ тѣхъ поръ навсегда осталась за Россіей.

Императоръ Александръ I пожаловалъ Несвѣтаеву орденъ св. Георгія 4-й степени; но князь Циціановъ не былъ удовлетворенъ этой наградой и писалъ государю, что пріобрѣтеніе богатой Шурагельской провинціи всецѣло принадлежитъ одному Несвѣтаеву, который, имѣя подъ руками всего 400 солдатъ, настоялъ на возможности покорить эту область, а потому находилъ справедливымъ наградить его кромѣ Георгія и орденомъ св. Владимира 2-й степени, минуя анненскую ленту. „Сіе одно,—писалъ онъ,—можетъ поощрить этого посѣдѣвшаго въ службѣ Вашего Величества офицера въ будущемъ еще къ большимъ подвигамъ“.

И подвиги эти были. Въ слѣдующемъ году Несвѣтаеву съ двумя баталіонами пришлось охранять двѣ обширныя провинціи, Памбакъ и Шурагель, ¹которыя угрожали съ одной стороны персіяне, стремившіеся возвратить Шурагель, съ другой—тысячныя массы лезгинъ, свившихъ себѣ гнѣздо въ турецкомъ Ахалцихѣ. Несвѣтаеву, имѣвшему у себя только два баталіона своихъ саратовцевъ, приходилось биться на два фронта, и онъ просилъ подкрѣпленія. Къ офиціальному рапорту онъ приложилъ также частное письмо, въ которомъ, подробно объясняя затруднительное положеніе малочисленнаго отряда, прибавилъ, между прочимъ, что, не говоря о многомъ другомъ, у него самого нѣтъ даже рома, съ которымъ привыкъ пить чай.

Князь Циціановъ ему отвѣтилъ весьма характернымъ письмомъ, рисуящимъ передъ нами простоту отношеній главнокомандующаго къ тѣмъ изъ своихъ сподвижниковъ, которыхъ онъ называлъ „достойными носителями имени русскаго генерала“.

„Ты просишь, любезный товарищъ, или лучше сказать сердечный другъ мой, подкрѣплений къ своему отряду. Но откуда и какіе способы имѣю я исполнить твою просьбу? Ты самъ знаешь, сколько у меня войска, съ которымъ мнѣ надо хорошенько поколотить мятежнаго царевича Александра, Аббасъ-Мирзу и самого его почтеннаго папеньку, велемудраго шаха. Да и на что нужно генералу Несвѣтаеву подкрѣпленье? Онъ самъ собственной своей особой можетъ замѣнить нѣсколько тысячъ войска! Я знаю, что ты на свою руку охулки не положишь. Однако, я не во всемъ, о чемъ ты пишешь ко мнѣ, сердечный другъ мой, тебѣ отказываю. Я тотчасъ послалъ къ нашему маркитанту и велѣлъ взять послѣднія оставшіяся у него шесть бутылокъ рома, которыя и отправляю къ тебѣ на подкрѣпленье. Пей, братъ, на здоровье, да дай и мнѣ самому право выпить за твое здоровье и громогласно воскликнуть: „ура“! За здоровье молодца, храбрѣйшаго изъ храбрѣйшихъ, Несвѣтаева! Истинно уважающій тебя Циціановъ“.

Несвѣтаевъ собралъ къ себѣ штабъ-офицеровъ. „Ну, господа,—сказалъ онъ,—мы ждали усиленія новыми войсками нашего отряда, но вотъ все подкрѣпленье, которое, въ теперешнихъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, могъ прислать къ намъ князь Павелъ Дмитріевичъ“—и онъ показалъ рукою на бутылки съ ромомъ.—„Садитесь, напьемся чаю съ этимъ подкрѣпленіемъ, и съ Богомъ примемся за работу“. И Несвѣтаевъ съ двумя баталіонами Саратовскаго мушкетерскаго полка отстоялъ обѣ провинціи.

Еще большіе подвиги оказаны были имъ въ 1807 году, когда началась турецкая война, и главнокомандующій графъ Гудовичъ выдвинулъ за Арпачай небольшой отрядъ Несвѣтаева. Ходили упорные слухи, что карскій паша, находившійся не въ ладахъ съ своимъ начальникомъ—эрзерумскимъ сераскиромъ, искалъ только случая, чтобы сдѣть

намъ Карсъ подъ благовиднымъ предлогомъ невозможности его отстоять. Но слухи эти сказались не вѣрными. Несвѣтаевъ былъ встрѣченъ въ Карсѣ пушечными выстрѣлами и рѣшился взять крѣпость штурмомъ. Уже наши войска овладѣли предмѣстьемъ, уже врывались въ городъ, когда Несвѣтаевъ получилъ приказаніе: „отнюдь не помогаться покоренія Карса открытою силою, дабы при такомъ рѣшительномъ дѣйствіи, каковъ есть штурмъ, не потерпѣть большой потери въ людяхъ, а ограничиться только однимъ наблюденіемъ“.

Дѣйствительно ли графъ Гудовичъ опасался потери, которая даже при успѣхѣ могла ослабить его и безъ того малочисленный Кавказскій корпусъ или же занятіе Карса одними русскими войсками, безъ содѣйствія жителей, вовсе не входило въ планы главнокомандующаго,—Несвѣтаеву извѣстно не было, а потому, прервавъ штурмъ, онъ отошелъ назадъ къ Гумрамъ. Трудно сказать, въ чемъ болѣе проявилась необычайная сила воли его: въ рѣшеніи ли съ ничтожными силами взять грозный Карсъ, или въ прекращеніи, по волѣ Гудовича, уже начатаго и такъ много обѣщавшаго штурма.

Въ Гумрахъ Несвѣтаевъ, обреченный на полное бездѣйствіе, простоялъ почти два мѣсяца, а между тѣмъ война на главномъ театрѣ приняла для насъ оборотъ крайне неблагоприятный. Испытавъ крупную неудачу подъ Ахалкалаками, графъ Гудовичъ вынужденъ былъ отступить обратно въ наши предѣлы—и турки сами перешли въ наступленіе. Въ половинѣ мая Юсуфъ-паша, сераскиръ эрзерумскій, прибылъ въ Карсъ и тотчасъ отправилъ къ Гумрамъ 10-ти тысячный отрядъ, подъ командою карскаго коменданта Мамедъ-паши, съ тѣмъ, чтобы отторгнуть отъ насъ Шурагельскую область.